

ЛУЧШАЯ ПЕСНЯ ЕЩЕ НЕ ПРОПЕТА

— ВАШИ ХОРОШИЕ ЗНАКОМЫЕ —

Народному артисту СССР, ведущему солисту Киевского государственного академического театра оперы и балета Дмитрию Гнатюку за исполнительскую деятельность 1971—1972 годов присуждена Государственная премия Украинской ССР имени Т. Г. Шевченко. Публикуем переданный РАТАУ рассказ о встрече с артистом.

Мы встретились в театре в кабинете, на дверях которого — табличка с лаконичной надписью «Партбюро»: коммунисты вот уже в пятый раз избирают Д. Гнатюка своим партийным секретарем. Разговор наш то и дело прерывают телефонные звонки, люди, которые приходят решить неотложные дела.

— Я счастлив, что мой труд отмечен премией, носящей имя великого Кобзаря, — взволнованно говорит Дмитрий Михайлович — Счастлив — это слово наиболее полно передает чувства, охватившие меня, когда узнал радостную весть. Видимо, ощутил себя таким потому, что воочию убедился: путь, избранный мною в жизни, оказался правильным, идя по нему, затрачен не напрасный труд. Пропеть в сольном концерте — достаточно двух, самое большее трех часов. Чтобы подготовить его, необходимо иногда годы. А вот на поиски интерпретации исполняемых на нем произведений может понадобиться не только творческая, а и вся сознательная жизнь. Извините...

Как некстати раздался телефонный звонок! Но пока певец решает, по всему видно, важные дела, напомним еще раз, что Шевченковская

премия ему присуждена за исполнительскую деятельность последних двух лет. В творческом багаже Дмитрия Гнатюка вместе с народной и современной популярной украинской песней (такой она часто становилась благодаря его стараниям) — песни народов нашей страны, произведения известных советских композиторов — Д. Шостаковича, Т. Хренникова, Д. Кабалевского, Э. Колмановского, А. Пахмутовой.

О классическом репертуаре артиста нужно говорить отдельно. За время работы на оперной сцене им пропето свыше сорока партий. И каких! Среди них — князь Игорь, Мазеп, Остап в «Тарасе Бульбе» В. Лысенко, Ренато, Риголетто, Амонасеро из опер Дж. Верди «Бал-маскарад», «Риголетто», «Аида». Прибавьте еще партии Валентина из «Фауста» и Фигаро из «Севильского цирюльника», партии для баритона в операх советских композиторов. Не случайно один из болгарских музыкальных критиков отмечал: «Его перевоплощение было пламенным и воодушевленным, чему немало способствовали неограниченные возможности могучего баритона, которым он владеет безукоризненно».

Критика уже сказала свое слово и о новой программе, подготовленной Дмитрием Гнатюком. Первое отделение ее состоит из произведений Кобзаря, положенных на музыку композиторами разных времен, второе — из произведений Ивана Франко.

Но вот наконец разговор можно продолжить.

— Так на чем мы остановились? Ага — о личном в искусстве. Взять, например, последнюю мою программу. Не буду скрывать: ощущаю какую-то особенную взволно-

ванность, когда исполняю песни на слова Шевченко и Франко. Оба гиганта прошли сквозь мое существо еще в детстве. Должен сказать, оно — не из счастливых. Проходило на Буковине, когда та была под властью боярской Румынии. Семья наша жила бедно. Нужду терпели большую. Отдали меня в румынскую школу: украинской не было. В ней даже запрещали разговаривать на родном языке. Тайком знакомился с «Читанкою», «Кобзарем». В отцовской хате портреты Кобзаря и Каменяра висели на почетном месте. Так было не только у нас. Их стихи прибавляли людям силы.

В сознании певца выстраданные великими поэтами слова слились с музыкой. Начав их декламировать, сам того не замечая, он перешел на пение. После этого понимаешь: чтобы донести до слушателей все оттенки творений великих мастеров слова, нужно пропустить через свою творческую лабораторию каждую их строку.

Не суждено нам было поговорить спокойно. Вновь зазвенел телефон. Кто-то на том конце провода обращался к Дмитрию Михайловичу с просьбой помочь в каком-то деле, обращая к нему как депутату Верховного Совета СССР.

— Хорошо, но все нужно выяснить более детально. Необходимо встретиться. Когда?

Стал прикидывать: тогда — репетиция, тогда — спектакль, а там — вылет на гастроли. Наконец «окно» найдено — встреча назначена, о ней сделана пометка.

— Вот так ежедневно. Но ничего. Это не только не мешает, а чаще даже помога-

ет: не дает замыкаться в себе, сбиться на формализм.

К формализму — отвращение и непримиримость. Благодаря честной работе артиста в искусстве много песен пошло в народ, неся свою неповторимую красоту. Так было с «Песней про рушник», «Черемш и н о й», так обрел снова жизнь романс «Чары ночи» («Смейтеся, плачут соловьи...»), не говоря уже о том, как воспринимаются слушателем «Ой, ти, дівчино, з горіха зоря...» на слова И. Франко, музыку А. Кос-Анатольского, народная «Вівці мої, вівці», которые в исполнении Гнатюка стали шедеврами.

Чем обуславливается успех песни, ее «долговечность»? По этому поводу тоже хотелось узнать мнение Дмитрия Михайловича.

— Вновь нужно напомнить известную истину о народной основе песни, о славе слова и мелодии. А это должно достигаться душевным настроением, так сказать унисоном, авторов — поэта и композитора. Однако о песни должен быть еще и третий соавтор — исполнитель. Какой она предстанет перед судом людей — многое зависит все же и от артиста.

Действительно, многое. Припомним, какой впервые мы услышали «Песню про рушник», так счастливо сочетавшую слово, музыку и пение. С тех пор, как родилась она, прошло свыше пятнадцати лет. Ее поют уже новые люди. И доходит она до них именно такой, какой благословил ее Дмитрий Гнатюк, из уст которого впервые прозвучала.

— А ведь ее можно было исполнять по-разному, — припоминает певец. — Тогда входила в моду манера пения, заимствованная с эст-

рады Запада: этакая себе разговорная манера, претендующая на задушевность. Не всегда это удавалось. Нашептывание в микрофон — не в традиции украинской песни. Ее мелодия — как река с порогами. «Петь нужно на полный голос, чтобы ощущалось за ним и наше раздолье, и чувство большое к матери... Образ нужно донести до людей», — говорил Андрей Малышко.

Вслушиваясь в песню, касаясь голоса певца, каждый из нас вспоминал свою мать, переносился мысленно на свои поля и луга, в свой город и село, на дорогу, на которую его вывела мать. Из этого всего возникла перед нами еще один образ — матери-Родины. Такова сила влияния искусства, такова сила таланта, пробуждающего высокие чувства.

А телефон вновь напоминает о себе, вновь заходит люди, чтобы что-то высказать, решить неотложные дела. Неудобно отбирать у человека много времени. Наступил момент для традиционного последнего вопроса: над чем работаете и какие замыслы на будущее?

— Сразу же после выступления в обновленном спектакле «Бал-маскарад» — поеду с отчетом к землякам на Буковину. А затем — работа над новой партией в опере. Видимо, это будет «Ярослав Мудрый» Георгия Майбороды. Опера — моя наибольшая радость, и ей буду служить, пока хватит сил. Хочу подготовить программу старинного русского и украинского романса. А еще буду ожидать новых песен, искать их. Мне все кажется, лучшая песня еще не пропета.

Самой лучшей вам песни, Дмитрий Михайлович!

П. АНТОШИНА.